

Куды ура
Ласов

27.02.08

Тело и лицо русской деревни

Аркадий Пластов в Академии художеств

Коммерсантъ. — 2003. — 27 февр. — с. 22.

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

В Академии художеств открылась выставка академика Аркадия Пластова (1893–1972) — главного живописца советской деревни. Сложными художественными средствами ему удалось продемонстрировать ту очевидную истину, что в сталинское время и позднее в советской деревне жилось очень плохо. Комментирует ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

Пластов в советское время заслужил репутацию мужика хитрого и умного, основанную на том, что ему можно было писать то, что другим запрещалось. В основном дело касалось голых женщин. Действительно, для других мастеров сталинского соцреализма (писавших рабочих, служащих и творческую интеллигенцию) это было нельзя, даже спортсменок и балерин приходилось одевать в трусы и сатиновые майки. А Пластов рисовал крестьянок, они бабы наивные, близки к природе, и как-то у него получалось, что это можно. Даже военная картина «Суббота», изображающая голую бабу в накинутом на голову тулупе (которая идет по снегу из бани к речке охолонуться и, застигнутая за этим занятием художником, глупо улыбается), и то рассматривалась как символ крепости нашего тыла. Великого ума был мужик, что умел эдак бабу повернуть.

Пластов и сам жил в деревне, что рассматривалось как доказательство близости Академии художеств к народу, а также к Шолохову и шире — близости живописи и литературы соцреализма. Ввиду остаточного «комплекса вины» интеллигенции перед народом искусство его всегда представлялось чем-то подлинным и настоящим, а над картиной «Фашист пролетел» многие плакали. В его реализме виделись какие-то следы импрессионизма, даже авангарда 20-х — не так чтобы уж прямо, а все же что-то есть. И вот приходишь на выставку и поражаешься абберациям зре-

Суровая пластовская живопись всегда казалась далеким от искусства чиновникам отражением «колхозного рая» ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

ния. Какая подлинность, какая истинность, какое мастерство, когда это прямо-таки удивительно плохая живопись. Серая, мылкая, рыхлая, жухлая, мятая, вялая, тухлая. Прямо горе какое-то, а не живописец, реалист-передвижник второго розлива.

Пластов, собственно, и сам себя осознавал как продолжение великих традиций русского реализма. Но здесь возник совершенно особый эффект — потому что реализм у него действительно после импрессионизма и авангарда. И действительно, в его ранних автопортретах видны следы влияния Петрова-Водкина, в купальщицах — что (может, со слуха)

что-то знал о Сезанне, а в букетах и березах — что-то такое отдаленно французское. Но, узнавая следы этих художественных явлений, прямо переживаешь, что ж с ними стало! Как их жизнь-то перекорезила!

Все же купальщицы-то у него купальщицы, но они трактористки, и на заднем плане там трактор, а встреча женского тела с трактором приводит к непоправимым для тела последствиям. Как в смысле дряблости формы, так и в смысле сине-зеленой гаммы. Но ладно бабы, дело помятое, ему нужен был образ тяжелого труда, и он его выразил. Однако кажется, что зелень берез, цветы, солнце — все это точ-

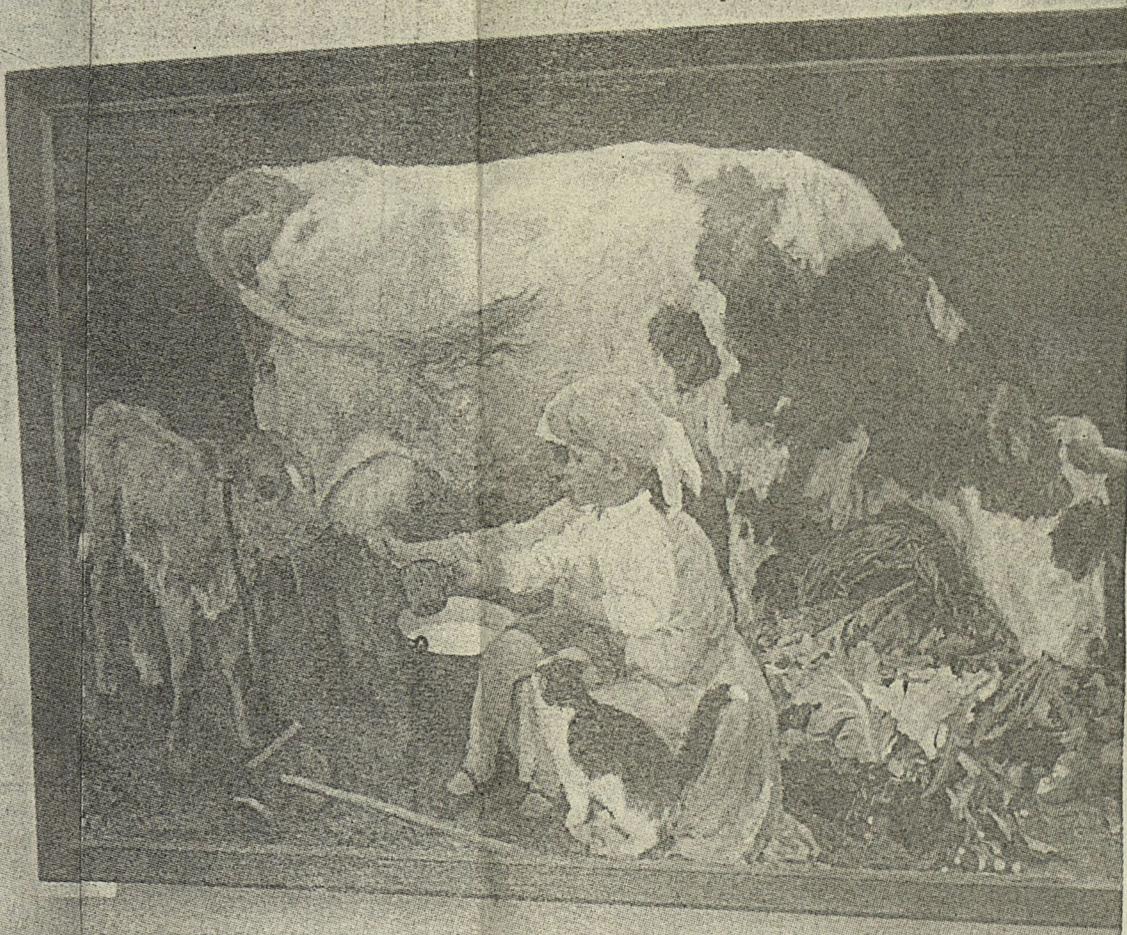
но так же трудится в тяжелой безысходности, пухнет серосиним от недоедания и страдает от целлюлита.

Единственное, что удается Пластову здорово, — это крестьянские портреты. Тут большая традиция, почему-то так получилось, что русский крестьянин с самого начала как попал в живопись — в XVIII веке, так и зафиксировал на своем лице выражение угрюмой недоверчивой недружелюбности. Пластов тут продолжает тему крестьянского портрета прошлых эпох, и такие хари еще доискать надо. Все эти «кузнецы», «повитухи», «пастушихи», «решетники», «инвалиды войны»,

«слепцы» — все они создают какую-то босхианскую перспективу жителей русской деревни, страшные, изъеденные морщинами, страдающие лица, живущие под пыткой безысходности своего существования.

И разглядывая их, думаешь, что Пластов, может быть, не лишен подлинности. В конце концов, а что, собственно, может получиться, если прививать этим лицам импрессионизм? Равно как чувство запредельного счастья сталинского рая? Именно это и получится — грязная каша радости колхозного базара, дряблые серо-сизые тела трактористки, пришедшей помываться в коровий пруд. Пла-

тов выработал уникальный творческий метод. Надо взять европейские школы живописи, что-то прекрасное, очень красивое, и начать это портить. Доводя до противоположности и абсурда. В результате получится адекватный образ нашей деревни, созвучный строю ее жителей. А вот то, что такой образ почему-то показался идеальным выражением счастья колхозного строя, — это поразительно. Отчасти это объясняется тем, что другие сталинские академики рисовали еще хуже, но все равно тут есть элемент чуда. Действительно, великого ума был мужик, что умел эдак повернуть.

Уже мн
совмен
стилей
самом
тут уже
рий на
шестид
ся и еш
вых, к
Пендж
первы
бхангр
го на ст
звуче м
бана п
дохл. В
рантам
бхангр
Англи
но скре
течени
много
стиль
вальнь
Талвин
ского
стиль
дорэп
ва Fun
Dub Fe
твует д
пустил
«Енеп

Игр
музык
точени
ной м
влече
жангл
де рок
подхо
внутри
нальн
участ
тупаю
ками
Джи и
прида
ка: э
настро
это пр
ситар:
пущен
торши
Песни